

О БЕЛОРУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Раскрываются сущность и механизмы функционирования в культуре национального характера, выявляется его взаимоотношение с индивидуальным характером. С привлечением поэтических произведений Янки Купалы анализируются основные черты белорусского национального характера.

Чтобы всесторонне и последовательно раскрыть сущность национального характера, необходимо сопоставить его с индивидуальным характером, через который он выражается и с которым обнаруживает сходство в строении и формах функционирования. Выявляемые параметры индивидуального характера проецируются на национальный характер.

Согласно точке зрения одного из представителей психоанализа Эриха Фромма, человек вырабатывает характер в ходе взаимодействия с окружающим миром, формируя преобладающие ориентации, устанавливая отношения с другими людьми. Соответственно “характер можно определить как (относительно перманентную) форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации” [7, с. 63]. Характер человека отличает прежде всего совокупность волеизъявляемых склонностей. Аналогичным образом в характере того или иного народа мы выделяем в первую очередь склонности, предпочтения, предрасположенности, способности, которые отличают его среди других этносов и находят свое воплощение в процессе сохранения самобытной культуры и базовой для нее цивилизации.

Стержнем национального характера, его целеустремляющей энтелехией является коллективная воля, которая концентрирует все остальные его составляющие. Причем у того или иного этноса в течение определенного исторического времени она проявляется неравномерно в разных направлениях. Например, многие века у белорусского народа наблюдалась диспропорция между сильной волей к сохранению этнической культуры, менее ярко выраженной волей к сохранению национальной культуры и сильно ослабленной волей к сохранению политически самостоятельной цивилизации. В настоящее время в независимой Республике Беларусь эта диспропорция успешно преодолевается.

По представлению известного психолога Б.Г.Ананьева, посредством характера человек отбирает мотивы деятельности, формирует собственную иерархию правил поведения и мировоззренческих установок, определяет предпочтительные социальные (и профессиональные) роли, короче говоря, вырабатывает преобладающую жизненную направленность, которая видоизменяется благодаря накапливаемому социальному опыту. В динамике отношений с другими людьми человек обогащает свой характер “как систему свойств личности... постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни” [1, с. 40]. Каков характер человека, таков его образ жизни. Эрудированный читатель может убедиться в верности данного тезиса, сравнив, к примеру, противоположные характеры и образ жизни Ильи Обломова и Андрея Штольца – главных героев-антиподов романа И.А.Гончарова.

Интегральный атрибут характера белорусов – их многовековая жизненная направленность на эволюционное бытообживание меняющегося мира посредством постепенного преобразования и дополнения наследуемых традиций (ломка последних недопустима!). При таком подходе закрепленные в приземленном образе жизни многовековой этнонациональный опыт и практическое понимание происходящего имеют явный приоритет по отношению к инокультурным, инициализационным новшествам, к которым у белорусов издавна сформировалось осторожное избирательное отношение. Эту черту нашего коренного народа можно условно квалифицировать как умеренную, относительную автохтонность. Последнюю образно проиллюстрировал Янка Купала в стихотворении “Тутэйшы”.

На чужы розум я не ўмею браць;
Па-свойму я мяркую аб усім;
Трапляю дровы сеч, касіць, араць
І сеяць – штось сабе, а штось другім.

Не благодаря ли обновленной современной эпохой автохтонности белорусы и граждане других национальностей с привитой “беларускасцю” сумели в середине 90-х гг. прошлого столетия с помощью государства народного доверия отразить разрушительную “либеральную волну” и приступить к строительству общества конвергентного типа? В одной из программных статей Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко прямо указал на то, что страна, пройдя сквозь тернии, сделала свой самостоятельный выбор вопреки либерально-глобалистскому давлению извне: “...Беларусь не пошла по пути, навязанному всем бывшим советским республикам, отвергла обвальную приватизацию государственной собственности и пассивную роль государства в социально-экономических процессах. Мы не отдали ни природные богатства, ни созданный народом производственный потенциал олигархам или зарубежному капиталу. Сами сумели возродить предприятия и использовать на благо всего народа, а не кучки ловкачей и проходимцев” [5, с. 4–5].

Национальный характер обнаруживает и проявляет себя во множестве сходных индивидуальных характеров людей, сплачиваемых этнонациональной культурой в одну историческую общность, “органическую социальную личность” (в терминологии Л.П.Карсавина). К пониманию социально-культурной детерминации индивидуальных характеров близко подошел Э.Фромм в цитированной выше монографии: «Тот факт, что большинство членов некоего социального класса или культуры обладает сходством значимых элементов характера и что можно говорить о “социальном характере”, репрезентирующем суть склада характера, общую большинству членов данной культуры, указывает на степень участия в формировании характера социальных и культурных моделей» [7 с. 64]. Мы будем вести речь о принадлежности обладателей индивидуальных характеров к сплачиваемой исторической общности (народу или нации) и присущем им национальному характере. Становясь его носителями, они, естественно, преломляют в нем свои социальные положения и особенности разделенной социально-групповой культуры. Этнонациональная культура внедряет черты национального характера через отмеченные опосредующие звенья внутрь индивидуальной культуры. А последняя актуализирует эти черты в эмпирическом характере индивида.

Национальный характер не исчерпывается индивидуальными характерами людей, живущих в определенную эпоху или период. Ни одно поколение, ни один этносоциальный слой и тем более отдельный человек не могут претендовать на сколь-нибудь полное его выражение. Черты национального характера выполняют роль направляющих векторов в отношении коррелятивных слагаемых индивидуальных характеров. Сам он является продуктом, феноменом исторического развития народа, нации. В процессе этого развития (не имеющего наперед заданного шпенглеровского предела) национальный характер видоизменяется вместе со своим проводником – этнонациональной культурой.

Итак, понятие национального характера отражает *транслируемые культурой коллективные инстинкты, чувства, мысли, волевые качества, склонности, предпочтения, предрасположенности, способности, достоинства и недостатки определенной исторической общности (народа, нации), коренящиеся в ее генетическом и антропологическом типе.*

По-видимому, в генотипе белорусов, который является одним из самых устойчивых в славянском мире (А.И.Микулич), коренятся такие основополагающие черты их характера, как умеренная автохтонность (прерогатива накапливаемого этносоциального опыта) и непреклонная ориентация на эволюционное развитие культурных традиций при большой доле преемственности. Данный генотип является соответственно глубинным основанием стиля творческого традиционализма, интегральной формы самовыражения белорусской культуры [8].

Условно можно выделить два основных механизма внедрения национального характера в индивидуальные характеры: *молчаливое вторжение* и *внятное вторжение**. Первое осуществляется преимущественно стереотипами этнической культуры, второе – преимущественно достижениями национальной культуры.

При действии механизма молчаливого вторжения, охватывающего самые широкие социальные слои, национальный характер выступает как форма взаимного воздействия, взаимного внушения, взаимного подражания своих носителей. Эффекты этого своеобразного социально-культурного

* Общую характеристику этим двум механизмам культурной преемственности дал немецкий философ Николан Гартман [3, с. 639–641].

“самогипноза” описаны французским этнологом Альфредом Фулье в книге “Психология французского народа” и американским антропологом и лингвистом Эдвардом Сепиром в работе “Культура, подлинная и мнимая”. Приведем выдержку из последней работы: «По-прежнему остается верным то, что большие группы людей повсеместно обнаруживают тенденцию думать и действовать согласно с некоторыми установленными и почти что инстинктивными формами, причем данные формы для этих людей в значительной мере специфичны. Вопрос о том, объясняются ли эти конституирующие дух народа формы преимущественно в терминах природного темперамента, исторического развития или же сочетания этих двух факторов, представляет интерес для социального психолога... Достаточно знать, что на деле нации ... несут на себе – в мыслях и в действиях их представителей – отпечаток некой “литейной формы”, некоторой матрицы...» [6, с. 470]. В культуре следы, отпечатки этой матрицы “выражены с наибольшей рельефностью” по сравнению с цивилизацией. Для того чтобы эта матрица работала и сам национальный характер продолжал существовать, необходимо наличие “критической массы” индивидуальных характеров, которые усиливали бы его, вступая с ним в отношения интерференции.

Механизм внятного вторжения, действуя постоянно, активизируется тогда, когда механизм молчаливого вторжения начинает давать сбои либо когда внутри последнего начинает стихийно возрастать удельный вес отрицательных черт национального характера. Тогда представители передовой интеллигенции, играющие ведущую роль в развитии национальной культуры, осуществляют художественную, научную, философскую рефлексию, содержательную реконструкцию состояния характера (и психологии) народа с целью усиления его достоинств и изживания недостатков, преодоления возникшего ментального кризиса.

В Беларуси такой кризис пришелся на бурные 10–20-е гг. прошлого века. Не случайно в этот период Якуб Колас пишет произведение «Ноч, калі папараць цвіце», высвечивающее опасный крен части белорусов к этническому конформизму, создает эпически возвышенные поэмы «Новая зямля», «Сымон-музыка», которые освещают лучшие качества другой, пассионарной, части и преобразуют национальную картину мира. Янка Купала высвечивает пороки своих соотечественников в стихотворениях «Тутэйшы», «Мая хата з краю», «Перад будучынай» и в пьесе «Тутэйшыя», критически заостренной против опасных этномаргинальных тенденций, обращается к народу и его интеллигенции с гражданственными оптимистическими призывами: “Час!”, “Выйдзі!..”, “На сход”, “Паўстань з народу нашага!..”, “Прарок”, “Маладая Беларусь”. Названные произведения классиков национальной литературы способствовали духовному и культурно-цивилизационному возрождению народа, которое стало возможным благодаря историческому преобладанию его достоинств над недостатками.

Это преобладание обнаруживается уже на уровне этнической психологии – основы национального характера. Ее составляют психологический тип и темперамент народа, выработанные за многие века душевные реакции на природное и социальное окружение, преобладающие формы эмоционально-психологического восприятия мира. В психологическом типе коренных белорусов преобладает экстравертная установка. От метропольных русских и украинцев их выгодно отличают эмоциональная сдержанность, внутреннее спокойствие, завидное хладнокровие, психическая стойкость. Для белорусов не характерны резкая смена настроений, неуправляемые аффекты и бурные реакции. Им чужды митинговая шумиха и “революционная тусовка”. Эти особенности этнической психологии органически сочетаются с другими важными чертами белорусского национального характера. Имеются в виду прежде всего приверженность его носителей спокойной эволюции традиционных форм (исключающей перепрыгивание через непройденные ступени, “рывки” и прочие крайности), склонность к мере, золотой середине, предпочтение взвешенного рационально-практического решения жизненных вопросов.

В этой связи следует отметить, что интенсивность проявления каждой черты национального характера (и этнической психологии) определяется ее сочетаниями с близкими слагаемыми. Этим он подобен индивидуальному характеру, о котором русский мыслитель Н.О.Лосский так писал в философско-психологическом изыскании “Свобода воли”: “Эмпирический характер есть система определенных свойств, т.е. ограниченных содержаний, определенность которых обусловлена соотношением их друг с другом и с другими элементами той же сферы” [4, с. 545]. Взаимополагающие и опосредующие друг друга положительные черты национального характера белорусов органично едины со стилем их поведения и культурного творчества. В целом о типичном белорусе можно с полным основанием говорить как о носителе бытоприземленного

аполлонического психоинтеллектуального типа, охарактеризованного американским культурантропологом Рут Бенедикт”: “Если ... необычные (гипертрофированные дионисийские. – *И.Ш.*) переживания выпадут на долю человека аполлонического типа, он отнесется к ним с недоверием, стараясь сделать все возможное, чтобы это с ним больше не повторилось. Ему ведом лишь один закон, одно измерение – в этом он подобен эллину. Он всегда придерживается срединного пути, остается в пределах известного, сохраняет контроль над деструктивным психологическим состоянием. По словам Ницше, даже в экзальтации танца он всегда остается самим собой и помнит свое гражданское имя” [2, с. 272]. За долгую совместную жизнь с диаспорами русских и украинцев этнические белорусы сумели привить им отдельные свойства данного психоинтеллектуального типа.

Его художественными олицетворениями стали Сымон-музыка из одноименной поэмы и Михал из поэмы “Новая зямля”, купаловский герой стихотворения “Мой пагляд і мэта. З прыпеўкаў тутэйшага”. Можно сказать, что данное стихотворение Я.Купалы представляет собой художественно-поэтическую реконструкцию основных черт белорусского характера, которая значительно облегчает осуществление научной реконструкции.

Я па закону і па веры
Ганю свой быт паміж людзей;
Жыццё сваё ўжо так размерыў,
Крывулі ў ім каб ні аднэй.

Я к працы здатны і ахвочы –
З гультайствам дружбы не вяду;
На тое Бог дзянёк рабочы
Даў чалавеку на раду<...>

Таму я – кум, таму я – сват;
Той мне, таму штось вінен я;
Такі на ўсё ў мяне пагляд,
Такая мэта ўжо мая.

Жыву з суседзьмі па-суседску, –
Пакорны згоды я слуга;
Ня быць нікому ў воку рэдзкай
Я век стараюсь, як мага.

Да гаспадаркі маю клёку:
Як дзед, як прадзед, так вяду;
Штось мой ня так, як глянуць з боку,
Але я дзьму на ўсё ў дуду<...>

Які ж “на козыр” возьме “гад” –
Дзяржу ў руках кол ёмка я.
Такі на ўсё ў мяне пагляд,
Такая мэта ўжо мая.

Прочитанная с небольшими сокращениями первая часть стихотворения служит путеводной нитью в выявлении ядра белорусского характера. Оно включает следующие основные черты: *непреклонное стремление к эволюционному продолжению бытоприземленных традиций; приверженность мере, золотой середине; склонность к умеренной автохтонности; неизменное размеренное трудолюбие; предпочтение практичной формы тесного сожительства (“землякоў”, “сваякоў”)* и *взаимовыгодного сотрудничества свободных работников; стремление жить в мире и согласии, предрасположенность к разумному компромиссу; неусыпная забота о сохранении устоев традиционного бытия, надежного жизнеустройства и прочного достатка*. Последняя черта, как правило, всегда служила разумным ограничением известной белорусской толерантности. Когда враги угрожали многовековым устоям, белорусы давали им решительный отпор.

Во второй части стихотворения поэт иллюстрирует проявления атрибутивных качеств провинциального (по преимуществу) белоруса в типичных жизненных ситуациях. Его герой знает меру в винопитии, во взаимоотношениях; опять же в меру уступчив в торговых сделках и в отношениях с местным начальством; не допускает крупного воровства и злодейства, но иногда позволяет себе мелкие “проделки” в силу “житейской необходимости”.

Каня... напасціць чужым збожжам,
У панскім лесе ссеч дубок...

Мы не ставим задачу перечислить все положительные черты белорусского характера и дать каждой из них современное прочтение. Хотелось бы в конце небольшой статьи сгруппировать также отрицательные черты данного характера и дать краткое объяснение их происхождению. Они являются формами переразвития некоторых положительных черт в неправильном направлении, обусловленном негативными обстоятельствами общественной жизни. Таким же

образом примерно портится и индивидуальный характер, только происходит это чаще по причине изломов частной жизни. Прозорливость Я.Купалы в этом плане трудно переоценить.

Ад прадзедаў і бацькаўшчыну ўзяў – А як завуць край гэты родны мой –
Вялікая, багатая яна! – Забыўся ўжо праз свой прыгон і зьдзек;
Граніц ніхто йшчэ вокам не абняў, Мабыць, забраны ці тутэйшы ён,
Як Бог адзін – яна ў мяне адна. Я ж сын яго – тутэйшы чалавек!

Тутэйшы

Невольно возникает ассоциация с тяжелыми последствиями для когда-то обширной и могучей Беларуси (Великого княжества Литовского) Люблинской унии (1569). Извечная покладистость, уступчивость, что называется, этническая деликатность белорусов, проявившаяся по отношению к западным соседям, на каком-то историческом этапе их жизни (возможно, начавшемся с момента принятия Кревской унии) отчасти переродилась в недостаток национального (государственного, культурного, языкового) патриотизма. Белорусская история сделала крайне сложный зигзаг, разумеется, не только в силу названной негативной ментальной причины.

Действие этой причины было усилено другой отрицательной чертой белорусского характера, не раз отмечавшейся национальными поэтами. Корень всех пережитых белорусами зол – их собственная социальная апатия, являвшаяся, быть может, оборотной стороной, формой негативного переразвития невозмутимого спокойствия и хладнокровия. В конце стихотворения “Тутэйшы” Я.Купала интерпретировал эту черту как расслабляющий “сон наяву”.

Не случайно основным мотивом купаловских воззваний к белорусскому народу становится пробуждение его от “исторического сна” по мере роста национального самосознания.

Расцвітай жа, ўзнімай на арліных крылах
Душы, сэрцы і думы заспаняя,
Вызывай, выклікай на вялікі прасцяг
Сілу, ведзьмай-пятлёй нечапаную.
Маладая Беларусь

Остатки, реликты уходящей в прошлое социально-психологической апатии части белорусов порой еще сказываются в их инертности, нерешительности, недостаточной волевой целеустремленности, боязни нового, которые являются оборотными сторонами, “антиподами” извечной осмотрительности, осторожности, ретроспективой оглядки. Отмеченные отрицательные качества интегрировались в национальный консерватизм, чреватый общественной инерцией и являющийся искажением, перерождением бытоприземленного традиционализма.

Предстоящие социально-экономические преобразования трансформационного белорусского общества обуславливают необходимость неуклонного преодоления отрицательных черт белорусского национального характера путем усиления положительных с помощью обновляющегося межнационального менталитета и общенациональной ментальности в русле качественного обогащения отечественной культуры.

1. *Ананьев, Б.Г.* Некоторые черты психологической структуры личности / Б.Г.Ананьев // Психология личности: тексты. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – С. 39–41.

2. *Бенедикт, Р.* Психологические типы в культурах Юго-Запада США / Р.Бенедикт // Антология исследования культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271–284.

3. *Гартман, Н.* Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе / Н.Гартман // Культурология. XX век: антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 608–653.

4. *Лосский, Н.О.* Избранное / Н.О.Лосский. – М.: Правда, 1991. – 622 с.

5. *Лукашенко, А.* Единение – это наш исторический выбор / А.Лукашенко // Беларуская думка. – 2006. – № 2. – С. 3–11.

6. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

7. *Фромм, Э.* Человек для себя / Э.Фромм. – М.: Коллегиум, 1992. – 253 с.

8. *Ширшов, И.Е.* Культура творческого традиционализма / И.Е.Ширшов // Природа, человек, культура: проблемы гармонии: материалы науч. конф. (Минск, 25–26 сент. 2003 г.). – Мн.: БДУ культуры, 2003. – Ч. 1. – С. 462–468.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ